

НЕДАВНО посчастливилось побывать на исполнении Суреном Кочаряном «Витязя в тигровой шкуре». Работа эта не юбилейная в том смысле, что артист не приготовил ее к восьмисотлетию «безвестного месха из Рустави», которое прошумело только что столь радостно и по нашей стране, и за ее пределами. Этой работе и самой уже юбилей влору справлять—скоро тридцать лет исполняет ее Сурен Акимович.

Горький, восхищенный Художественным театром, пытаясь найти слова, чтобы показать, сколь основательно врос он, едва возникнув, в культурный обиход думающей России, прибежал к материальным плодам духовного гения, сравнил театр—а сущности зыбкое производное человеческих нервов, волю, талантов—с храмом Василия Блаженного, с Третьяковской галереей... Что-то видится в воображении такое же незбылемое и обширное, когда выходишь с концерта Кочаряна. Московский университет, в Коммунистической аудитории которого я смотрел и слушал его «Витязя», или величественный и ажурный Матена-даран в Ереване, где хранятся древнейшие манускрипты. Становится грустно, что вот этот мир, наполненный странами и страстями, мужеством красоты и мудростью ее, в котором мы прожили два часа, исчез, и только усталый и немолодой уже артист, тяжело опирающийся на трость, но весь еще во власти древних ритмов, напоминает нам о нем.

Артисты, подобные ЧТЕЦУ Сурену Кочаряну,—здесь хочется обозначить его художественную профессию и художественное призвание большими буквами,—редкость, уникальная ценность. (Увы, читают с эстрады много, чтецов на эстраде мало!). И как же обидно—не хватает средств, чтобы зафиксировать хотя бы с приблизительной достоверностью их искусство.

Кочарян не просто отлично читает, не только привнесло исполнение, создавая то, что принято называть «театром одного актера». Он делает нечто большее—и даже при всей неотразимой прелести его те-

атра,—я сказал бы, несравнимо большее для духовного роста своего слушателя. Он вводит его в культурный мир определенной эпохи и географической сферы, делая этот мир осязаемым и близким.

Закройте глаза—и перед вами начнут вращаться в калейдоскопическом фильме эллинистические города древнего Востока, наследники греческого Александрий с их простой, но уже и изящной, но без сдержанного кокетства линией, проявляющейся в архитектуре, в орнаменте тканей, в ри-

Образ сказителя первым предстанет перед нами. От его имени пойдет рассказ о злоключениях героев Руставели. Кочарян избегает соблазна сделать сказителя молодым красавцем, наподобие его героя Таризла (перед таким соблазном не смогли устоять многие иллюстраторы поэмы). Сказитель стар и мудр. Он ироничен, этот сказитель. В сущности, он собиратель, так же как собирательны и символичны все образы поэмы.

Но чувство того, кто на коне,—это уже не традиция, это живое пламя.

Кочарян прибегает к стилизации всякий раз, когда ему нужно подчеркнуть постоянные мотивы восточной поэзии. Например, в духе сказок «Тысячи и одной ночи» сделан рассказ караванщиков из Индии о том, что случилось с возлюбленной Таризла Нестан после его отъезда. Этим он как бы расчищает путь в нашем воображении собственным устремлениям Руставели—его

вот что передает постепенное и грандиозное нарастание масштаба поэмы. Кочарян знает заворачивающую власть над слушателем плавного течения, неторопливого, но могучего потока. Где-то вдали уже начало, как много прошло времени, как долго скитается Автандил, как давно покинул родину Таризл, как бесконечны муки Нестан и как длительно ожидание Тинатин. Мы подошли к середине, впереди еще целая жизнь... Огромную протяженность артист

дованный артистом его слушатель и зритель за двумя переменяющимися сюжетами, за четырьмя героями, их чувствами, мыслями и поступками и проходит, ведомый великим автором и его тонким интерпретатором, школу истинного гуманизма, наслаждаясь необозримым разнообразием красок и граней руставелевской поэзии, познавая не только нравственную философию поэта, но и его поэтику, его художественность. Последнее для Кочаряна не средство лишь выразить идеи, но плоть идей.

Давно замечена и названа познавательная ценность классических литературных композиций Сурена Кочаряна, их высокий научный литературоведческий уровень. Об этой стороне его творчества писали большие ученые, стоит указать лишь на такое авторитетное имя в мировой арабистике, как академик И. Ю. Крачковский; так что говорить здесь об уровне композиции «Витязя»—повторять общеизвестное. Но об одной особенности сказать все-таки хочется. Для того чтобы «уложить» поэму в два часа, отведенных на концерт, Кочарян прослоил текст Руставели своеобразными прозаическими скреплениями (отлично, что прозаическими, не пытаясь имитировать стих поэта!) Но читает он эти скрепления, эти «прослойки» удивительно. Подходя к очередной из них, он как бы «прозаизирует» (не подбираю другого слова взамен этого неуклюжего) стих. Самое же «скрепление» читает в ритме только что звучащего руставелевского стиха и лишь спустя некоторое время переходит в прозу. Новью приближаясь к стиху, он как бы подстегивает прозу, взвизгивает ее и совсем уже незаметно возвращается к стиху. Уже же, лишь по этой одной детали можно оценить его мастерство!

И его оценили. Как не порадоваться, что на концертах Кочаряна нет свободных мест. Как не посоветовать тем, кто еще не побывал на них:

Послушайте Сурена Кочаряна—один концерт его заменит вам целый факультативный курс!

Посмотрите Сурена Кочаряна—один концерт его заменит вам целый спектакль!

А. СВОБОДИН.

ДВА ЧАСА НАЕДИНЕ С РУСТАВЕЛИ

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

сунках на коричневых стенках амфор; а за ними встанут утонченные и прятные изображения на древних персидских миниатюрах, а там зазвучат стихи Саади, похожие на маленькие философские трактаты, и иных великих персов; и безбрежной стихией польются дары гения арабского мира; и настанет очередь мавританского стиля в постройках домов и крепостей и в изображениях женщин, и в гравировке клинков дамасских сабель—и весь этот мир почувствует звонкий отголосок в грузинском Ренессансе,—и вот тогда придет черед Шота Руставели, и в необычной смущающей красоте гортанных ритмических звуков голоса чтеца (Кочарян начинает поэму по-грузински) мы услышим и звуки предшествующих великих цивилизаций.

В этом и сила, и ценность исполнения Кочаряна, что, помимо чисто художественного, редкостного своей эмоциональной заразительностью воздействия—здесь, сейчас, сию минуту,—чтец переносит нас в ослепительный, всегда чарующе привлекательный культурный мир, энциклопедическим знатоком которого он является.

Как он это делает? О, здесь у него сотни приемов, но среди них нет ни одного, который не имел бы истоков, не только художественного, но и культурно-исторического оправдания.

Кочарян не относится всерьез к приключениям героев, но он относится с великой серьезностью к их страстям. Он знает, а мы вдруг убеждаемся, что традиционная условность своим орнаментом выстилает дорогу к чистым и возвышенным чувствам, что когда говорится «целый год герой скитался», то год здесь заменяет понятие «долго», точно так же, как и «три года» и «десять лет». Артист звенящей в голосе иронией и особым, если можно так сказать, несерьезным жестом дает понять, что это узор, «приказка», красоту которого мы должны оценить, но главное содержание не в нем.

О жесте Кочаряна можно бы написать трактат—назову лишь одну его особенность. Известно, что изображение человека в художественной культуре Востока тяготеет к плоскости, ему чужды светотень и объем. И жест Кочаряна, каким обозначает он фигуры героев Руставели, располагается в двух измерениях. А как у него скачут кони! Кисти рук артиста симметрично движутся в такт стиху, кони летят по воздуху, это чудо-кони, это кони тради-

философии любви, пониманию дружбы, отошоению к доблести.

Симон Чиковани заметил: «Облаченный в тигровую шкуру витязь поверяет свою сердечную боль метафорически увиденной природе...» В этих словах секрет построения поэмы и, пожалуй, лучшее обозначение того, как именно читает ее Сурен Кочарян.

Природа в самом широком понимании изображена стройной системой метафор—сердечная же боль безусловна!

Кочарян, пережидаящий письменную литературу на язык звучащего слова (а у последнего законы свои, воздействие на слушателя особое, во многом не только не сходное с письменным словом, но и противоположное ему), знает торжественный звук метафор, их звон и звонкость, он знает, что подчас металл голоса чтеца, внезапно разрезавший плавное течение рассказа, скажет о содержании не менее, чем сам смысл. Его резкие и внезапные выкрики, быстрые и острые, как лезвие, действуют магически. На остриях метафор движется рассказ.

А сам рассказ! Плавное течение его—

создает за два коротких отделения.

Но все, что относится к чувствам главных героев, лишено плавности, имеет взрывную силу. Говоря словами Симона Чиковани (его статья напечатана в десятой книжке «Нового мира»): «В поэме читатель почувствовал тончайшие движения человеческой души, услышал песнь земной жизни, гимн дружбе, любви и мужеству... и грузинскому поэту не приходится поить своих героев заколдованным любовным зельем, чтобы завлечь их в сети любви. В описании любви часто отсутствует сказочный элемент». Тридцать лет назад, готовя свою композицию, это почувствовал Кочарян, хотя я думаю, что его живое творение, изменяясь за эти годы, еще приблизилось в этой своей важнейшей сфере к трепетной реальности жизни.

Любовь к Тинатин и испытания превращают Автандила, вначале самоуверенного и любящего себя, в человека скромного, даже аскетичного. Эту эволюцию Автандила Кочарян передает последовательно и зримо. Любовь же Таризла и Нестан с самого начала дана артистом с современной драматической страстностью и трогательной простотой.

Чем дальше развертывается рассказ, тем с большей неотвратимостью следит окол-